

Litera

Правильная ссылка на статью:

Гофштейн О.Г., Рудакова С.В. — Особенности видения настоящего и будущего в «Дневнике» В. К. Кюхельбекера // Litera. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.41019 EDN: NASFDX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=41019

Особенность видения настоящего и будущего в «Дневнике» В. К. Кюхельбекера

Гофштейн Олег Георгиевич

ORCID: 0000-0002-0419-6456

аспирант, кафедра языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова

455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, ул. Ленина, 38

✉ zavuch@magpedcol.ru

Рудакова Светлана Викторовна

ORCID: 0000-0001-8378-061X

доктор филологических наук

профессор, кафедра языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова

455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, ул. Ленина, 38

✉ rudakovamasu@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.6.41019

EDN:

NASFDX

Дата направления статьи в редакцию:

16-06-2023

Аннотация: В статье рассмотрено своеобразие жанра дневника (популярность набирает силу с эпохи сентиментализма), относящегося к миру эго-литературы. Обобщены основные особенности этого жанра, подчеркнута специфика писательского дневника. Основное внимание в работе сфокусировано на рассмотрении феномена «Дневника» В. К. Кюхельбекера – яркого представителя русского романтизма, связанного с декабристским движением. Соответственно материалом исследования стал «Дневник» В. К. Кюхельбекера, над которым автор работал, находясь в одиночном заключении, а в

последующем в сибирской ссылке, с 1831 по 1846 гг. Рассмотрены основные вопросы, которые осмысливаются Кюхельбекером в его «Дневнике». Новизна исследования – в новом ракурсе рассмотрения малоизученного произведения Кюхельбекера, исследовательский интерес к этому тексту впервые проявился только в конце 20-х гг. XX в.), выявляется необычность отношения и восприятия автором времени – настоящего, прошлого, будущего, показана сложная взаимосвязь частного (личного) и общего (в социальном и историческом планах), рассмотрено переплетение в этом произведении микро и макроистории, личных жизненных обстоятельств и макроисторического нарратива. Повествователь «Дневника» показан как представитель мира декабристов, как своего рода их «голос». В работе использованы приемы историософского анализа художественных произведений, реализованы принципы историко-типологического метода. За кажущимся калейдоскопом сюжетов и образов «Дневника» скрывается подчиненность текста общей идее – передать ощущение последекабрьской эпохи.

Ключевые слова:

Дневник, эго-литература, писательский дневник, Кюхельбекер, поэт-узник, декабризм, поэзия, культурный мир, образование, моделирование мира

Дневники относят к миру эго-литературы [\[11\]](#), [\[21\]](#), [\[17\]](#), подобно мемуарам, письмам, автобиография. Среди отличительных особенностей дневника – «фрагментарность, нелинейность, нарушение причинно-следственных связей, интертекстуальность, авторефлексия, смешение документального и художественного, факта и стиля, принципиальная незавершенность и отсутствие единого замысла» [\[9, с. 163\]](#).

Популярность дневника как жанра приходится на XVIII век, время расцвета сентиментализма, когда сформировался интерес к частной жизни частного человека (это станет одной из важных примет дневника [\[22\]](#)), когда его внутренний мир стал одной из важных ценностей в культуре и философии, подобное проявляется, начиная с «Дневника для Элизы» (1767) Л. Стерна. Среди авторов известных дневников конца XVIII – первой трети XIX в. можно вспомнить Н. М. Карамзина, положившего дневниковые записи о своем путешествии в Европу 1789–1790 гг. в основу своего романа-путешествие «Письма русского путешественника» [\[10\]](#), П. П. Свиньина, написавшего «Американские дневники и письма» в период 1811–1813 гг.» [\[13\]](#) и др.

Как отмечает в своих исследованиях О. Г. Егоров [\[7\]](#), [\[8\]](#), часто к написанию дневника человека сподвигает какое-то выбивающееся из привычного ряда событие или состояние – это может быть путешествие, командировка, участие в военной компании, что-то знаковое в личной судьбе (интересно в этом плане содержание «Дневника камер-юнкера Ф. В. Берхгольца», рассмотренного в работе А. В. Петрова и С. Л. Скворцовой [\[18\]](#)). Более поздней является форма так называемых писательских дневников (см. подробнее работы О. Г. Егорова [\[8\]](#), С. В. Рудзиевской [\[21\]](#), К. Р. Кобрин [\[11\]](#)). Их отличает бóльшая открытость внешнему социальному пространству, бóльшая вовлеченность пишущего в обсуждение злободневных вопросов, осмысление им не столько событий личной, сколько культурной и политической жизни общества. Пространство дневника писателя, как правило, оказывается подчинено некой авторской идее, которая может проявляться на разных уровнях. Кроме того, если говорить о писательском дневнике, то с ним у автора связана осознанная или подсознательная

надежда на то, что у этого текста обязательно рано или поздно объявится читатель, поэтому диалог в таком дневнике идет не столько самим собою (ведь, как правило, в дневнике, как точно отметил в своем исследовании этого жанра Ю. М. Лотман, «мы имеем передачу сообщения от "Я" к "Я"». Это все случаи, когда человек обращается к самому себе, в частности, те дневниковые записи, которые делаются не с целью запоминания определенных сведений, а имеют целью, например, уяснение внутреннего состояния пишущего, уяснение, которого без записи не происходит» [\[15, с. 164\]](#)), сколько выстраивается коммуникация с удаленным во времени читателем, для которого раскрывается момент сиюминутный и выстраивается мостик в ближайшее или далекое грядущее. А значит фактор интимности и предельной честности для дневника писателя перестает быть определяющим.

Феномен дневника как литературного жанра привлекает к себе все больше внимание, и не только филологов, но и социологов, психологов, историков. Так, психологи, изучая дневники, получают информацию о самоидентификации человека, о его ощущениях и состояниях во времени «здесь» и «сейчас» [\[2\], \[4\], \[5\]](#), историки рассматривают дневники – частные и писательские – как один из важных исторических источников [\[20\], \[23\]](#), дающий богатый материал для изучения исторических личностей и исторической эпохи.

«Дневник» В. К. Кюхельбекера – во многом уникальное произведение русской литературы. Впервые отдельные страницы «Дневника» В. К. Кюхельбекера были опубликованы на страницах журнала «Русская старина» в 1875 г. Первым же серьезным исследованием этого произведения стала работа Ю. Н. Тынянова совместно с В. Н. Орловым и С. И. Хмельницким, подготовившими первое издание «Дневника» в 1929 г., сопроводившими его вступительной статьей и развернутыми комментариями. Более полный и точный вариант издания «Дневника» был подготовлен в 1979 г. редколлекцией (под руководством Б. Ф. Егорова), Н. В. Королевой и В. К. Раком к этому сборнику были предложены расширенные комментарии к работам Кюхельбекера. В последние десятилетия «Дневник» оказался в фокусе внимания и европейских литературоведов, рассмотревших это произведение в контексте литературной среды и в аспекте личной биографии Кюхельбекера [\[3\], \[19\]](#).

Произведение В. К. Кюхельбекера – это и не дневник в классическом понимании, сложно его рассматривать и как чисто литературное произведение. Частная жизнь, изолированного от общества поэта, находящегося в заточении, а позже в ссылке, оказывается соотнесена со множеством процессов – литературного, социального, культурного, политического и т. д. планов. Кюхельбекеру удается в «Дневнике» переплести микро и макроисторию, личные жизненные обстоятельства и макроисторический нарратив. Повествователь – Кюхельбекер – в «Дневнике» выступает не как частное лицо, он выступает как представитель декабристов, подобно ему лишившихся за свои взгляды и поступки против власти своей свободы и прежней жизни, но сохранивших верность прежним идеалам и заставляющих верить в их чистоту и правильность тех, кто вступает с ними в коммуникацию. Повествователь в «Дневнике» становится своеобразным «голосом» декабристов. В. К. Кюхельбекер начинает работать над «Дневником», когда находится в одиночном заключении, продолжает уже в ссылке.

Дошедшие до современного читателя части «Дневника» создаются Кюхельбекером в период с декабря 1831 г. до июня 1835 г., другие части – с сентября 1837 г. по ноябрь 1845 г., итоговая часть записана незадолго до смерти автора в 1846 г. Хотя известно, что первые сделанные записи датировались 25 апреля 1831 г., но, к сожалению, были утрачены.

С одной стороны, это произведение В. К. Кюхельбекера можно рассматривать как размышление автора о собственной судьбе: бумаге он доверяет то, что волнует его, как в частном личном, так и в общечеловеческом и социальном планах. Но, с другой – решив начать работать над «Дневником», Кюхельбекер задумал отразить в нем обобщенную судьбу поэта-узника, а для этого был готов отказаться от личного, сиюминутного, возведя личную историю в ранг некоего символа. Кюхельбекер решил создать дневник, в котором должны были переплестись его личная биография, история его поколения, судьба декабристов, миссия и удел гонимого поэта, осужденного и не принятого обществом, которому он служил. Соответственно повествователь в этом «Дневнике» должен был, по замыслу Кюхельбекера, выступить в роли поэта-узника, несвободного физически, но не сломленного, сохранившего представление о тех ценностях, которые привели его к противостоянию с властью, сохранившего верность тем принципам и взглядам, которые и стали причиной его нынешней ситуации.

Выбрав такой подход к работе с материалом, В. К. Кюхельбекер сознательно избегал вопросов, как и почему оказался он заключении, как и почему лишился поддержки судьбы и богов. Причины произошедшего не выяснялись Кюхельбекером, как и не рассматривалась, не оценивалась степень вины и тех, кто осудил, и того, кто оказался в роли осужденного.

В своем дневнике Кюхельбекер обращается к вопросам, которые являются определяющими для культурно-политической атмосферы его эпохи, – это вопросы об искусстве и гении, о дружбе и любви, о величии и рабстве, о тирании и свободе, о лжи и истине...

Россано Платоне, размышляя о «Дневнике» В. К. Кюхельбекера как о его интеллектуальной биографии [\[19\]](#), обращает внимание на то, что вопросы, которыми задается русский поэт в своей работе, оказываются в чем-то созвучны раздумьям европейского мыслителя Дж. Леопарди (1798–1837), отраженными в его записных книжках «Дзибальдоне» (1817–1829), которые он вел с юности.

Подобное созвучие размышлений двух мыслителей-современников, Леопарди и Кюхельбекера, представляющих разные страны, позволяет говорить о том, что оба они уловили и отразили в своих работах схожие тенденции в духовно-историческом развитии своих стран, выделив те, которые считали ведущими.

Интересны размышления В.К. Кюхельбекера в его «Дневнике» относительно вопроса о педагогическом образовании. Этими же проблемами интересовались и другие представителями мира декабристов, в частности, с М. С. Луниным, который в тот же период, что и Кюхельбекер, задумывается о системе по педагогической подготовке детей, разработав «План начальных занятий, разделенных на три этапа с восьмилетнего возраста до 14 лет» [\[16\]](#).

Размышления Кюхельбекера относительно педагогического образования появляется в «Дневнике» в связи с реализовавшейся возможностью изучить работу И. Н. Ястребцова «Об умственном воспитании детского возраста» [\[12, с. 299-300\]](#). Записи с реакцией Кюхельбекера на эту работу фиксируются 29 марта 1834 года, повествователь высказывает свои мысли относительно начального образования, и главным в этом рассуждении Кюхельбекера становится установка на то, что в процессе педагогического воздействия на ребенка главной в деятельности педагога должна была стать задача раскрыть душу ребенка, сформировать и развить в нем человечность. Так, Кюхельбекер предлагает дисциплины, связанные с механикой, заменить географией и астрономией,

чтобы расширить горизонты восприятия мира ребенком. И логика рассуждений Кюхельбекера выглядит очень убедительно: «Нет сомнения, что дух нашего времени благоприятствует наукам естественным, механике и наукам политическим. <...> Но одни практические науки развивают ли как можно более ум? Пробуждают ли они мысль? Дорога к уму детскому пролегает не по области своекорыстия, но по области сердца и фантазии» [\[12, с. 301\]](#).

Для В. К. Кюхельбекера, М. С. Лунина, как и для многих дворян-декабристов, как до восстания, так и после восстания 1825 г. была значима установка по формированию из представителей молодого поколения благородных людей, просвещенных, широко образованных, с достойным знанием иностранных языков. Носители передовых взглядов, среди которых был и Кюхельбекер, проецировали свои педагогические воззрения не только на представителей своей среды (связанной с дворянской культурой), вслед за М. В. Ломоносовым они хотели расширить просветительское образование на другие социальные среды.

Мысли, высказанные в ранних поэтических произведениях относительно значимости поэта в жизни общества, о его огромной роли в судьбе страны, народа, в истории [\[6\]](#), не отпускали Кюхельбекера ни в период его заключения, ни во время каторги и ссылки. Известны его записи относительно поэтического мира: Кюхельбекер был убежден, что одна поэзия, по сути дела, и определяет судьбу поэта, его предназначение, его миссию: «Часто поэт полезнее всякого проповедника: не могу поверить, чтобы тот легко стал мерзавцем, кто раз полюбил наслаждения, какие дает нам поэзия, – разумеется, истинная. Поэзия возвышает душу, отвлекает ее от мелких хлопот, попечений, суеты ежедневной жизни, переселяет ее в мир красоты, покоя, картин и звуков и тем самым омывает, облагораживает ее – вот польза поэзии; другой не знаю и не постигаю» [\[14, с. 456\]](#).

Вслед за В. А. Жуковским В. К. Кюхельбекер не однажды повторяет, что «поэзия есть добродетель» (слова эти звучат и в послании «К кн. Вяземскому и В.Л. Пушкину» (16 октября 1814), и в письме В. В. Жуковского к П. А. Вяземскому от 19 сентября 1815 года). Поэт для Кюхельбекера это не только тот, кто создает стихи, более того, не каждого, кто пишет стихи, Кюхельбекер готов назвать поэтом. Поэт для Кюхельбекера – это прежде всего тот, кто самостоятельно прокладывает свой путь в этой жизни, тот, кто открывает для себя и других что-то новое: «Но не всякий даже хороший стихотворец может назваться поэтом; напротив, всякий муж необыкновенный, с сильными страстями, пролагающий себе *свой собственный* путь в мире, – есть уже поэт, если бы он и никогда не писал стихов и даже не учился грамоте» [\[12, с. 53\]](#).

Кюхельбекер, осознавая невозможность возвращения к привычной жизни: литературной, политической, общественной, – начинает моделировать какую-то новую реальность исторического общественно-культурного плана, придумывает свой мир, внутри которого ведет полемику с авторами публикаций тех журналов, которые удастся ему получить, прочитать, изучить. Он вступает в своего рода дискуссии, обсуждения каких-то литературных материалов или каких-то общественной-философских вопросов, причем это касается и работ, опубликованных в новых журналах, им полученных, и тех статей, что были представлены в журналах, давно уже напечатанных.

Среди активно обсуждаемых, если так можно выразиться, вопросов те, что касаются будущего русского общества, русской литературы, место литературы и поэзии в современном мире.

Во многих своих заметках Кюхельбекер пытается предугадать и простроить путь развития русской литературы. «Дневник» для Кюхельбекера становится своего рода средством для моделирования того литературного культурного мира, к которому хочет быть причастен автор и который хочет изменить в лучшую сторону. Именно поэтому частные личные впечатления в дневниковых записях появляются достаточно редко, а если и фиксируются, то с какими-то оговорками, с какой-то неохотой: «Знаю людей (и вдобавок не лицемеров), у которых самый высокий, самый благородный образ мыслей, которых правила истинно превосходны, – и которые весьма редко им следуют, хотя совершенно убеждены в их истине. Я, правда, никогда не хотел превращать дневника своего в *исповедь*, но быть так – признаюсь, что я сам отчасти принадлежу к сим самым людям. Меня часто други и недруги сравнивали с Жан-Жаком: в сем отношении я точно на него похож» [\[12, с. 157-158\]](#).

«Дневник» для Кюхельбекера не исповедь, не фиксация каких-то бытовых или эмоционально-психологических состояний, переживаемых им, дневник превращается в некий общественно-литературный текст, где даже частное, касающееся судьбы отдельного человека, становится частью некоего большого исторического нарратива. Пишется дневник для потомков, для того, чтобы они могли извлечь опыт, получить некие важные знания и об эпохе, и о поэте, лишенном физической свободы, но сохранившим свободу духа.

Журнальные статьи расширяли горизонты узнавания литературы современной, а с другой – расставляли некие пройденные вехи. Вот еще одна запись из дневника Кюхельбекера, представляющая собой отклик поэта на общественные обстоятельства российской жизни, отделенные от него тысячами верст и несколькими годами жизни: «Из «Библиотеки» я узнал, что есть еще другой «Торквато Тассо» кроме Кукольника. Она же меня уведомила о смерти Гнедича, Сомова, Мартынова. Всех более мне жаль Гнедича: мы когда-то были друзьями, потом поссорились; он умер, не помирившись со мною» [\[12, с. 336\]](#).

Но самое важное, что дает нам возможность почувствовать «Дневник» В. К. Кюхельбекера, – это его восприятие и отражения в тексте дневниковых записей духа эпохи. И мы видим, что автор не столько регистрирует какие-то личные подлинные переживания, переосмысление прошедших событий, мы обнаруживаем, что Кюхельбекер предлагает совершенно иной вариант передачи ощущения времени. Его взгляд преимущественно направлен не столько назад, в прошлое, не столько даже сконцентрирован на дне сегодняшнем, на сиюминутных переживаниях, ощущениях, сколько устремлен в будущее. Но это грядущее предстает не таким, как это было показано, например, в его «Европейских письмах», в произведении, которое создано в преддекабристскую эпоху на гребне общественного подъема и соответственно на волне тех мечтаний, упований, которые свойственны были и самому Кюхельбекеру, и о той среде (культурной, общественной, политической), к которой он был приобщен (речь идет о круге декабристов). Чем обусловлено обращение к будущему и каким видится это будущее Кюхельбекером в «Дневнике»?

Настоящее заключенного, находящегося в одиночной камере, а в последующем ссыльного, должно решать множество бытовых, финансовых вопросов, имея скудный доход и ограниченные возможности, не удовлетворяет его ни в материальном, ни в социальном, ни в бытовом, ни в эмоционально-психологическом, ни культурном планах, оно страшно, к нему он относится как к данности и воспринимает как некую необходимость, как этап, который может привести автора к истинной жизни, поэтому если и пишет что-то настоящим в своем дневнике Кюхельбекер, то рассказывает больше о

творческих вопросах, о специфике своей писательской работы, о тех проблемах общего плана, с которыми он, как человек, лишенный привычного круга общения, сталкивается.

Он, фиксируя внимание на творческих процессах, крайне редко обращается к личному прошлому, которое вызывает в нем болезненную ностальгию, и от своего прошлого он пытается дистанцироваться. Так как сам «Дневник» задуман был им как своеобразный способ выстроить то интеллектуальное общение, которого ему страшно не хватало, выстроить как своеобразный диалог с современниками, от которых он был отрезан, то он меняет модель этого общения.

Кюхельбекер оказался в ситуации, когда в настоящем невозможно было бы выстроить горизонтальный вариант взаимодействия «Я» и «других», осознавая это, он переходит на модель вертикальную; свои мысли он адресует в будущее, возможно, даже обращаясь к самой вечности: «Нынешний день для меня был днем воспоминаний: перебирал я свои старые тетради и перечел кое-какие из лирических своих стихотворений – некоторые духовные и «Послание к брату». Они сильно на меня подействовали: в некоторых почерпнул я утешение, подкрепление, в котором, признаюсь, нуждался. Когда меня не будет, а останутся эти отголоски чувств моих и дум, быть может, найдутся же люди, которые, прочитав их, скажут: он был человек не без дарований; счастлив буду, если промолвят: и не без души» [\[12, с. 329\]](#).

Мы видим, что в размышлениях о литературе, о культуре, о прошлом и будущем для автора важными становятся образы далекого прошлого, которые не теряют своей актуальности и в настоящем и сохраняют свою востребованность в будущем. Среди таких образов и знаковых фигур для Кюхельбекера оказывается образ Гомера, именно он появляется в качестве собеседника, с которым часто поэт ведет такой диалог, о чем, к примеру, свидетельствует запись от 3 февраля 1832 года: «Старик Гомер со мною часика два разговаривал после обеда: хочу пользоваться его беседою каждый день» [\[12, с. 95\]](#).

Размышляет Кюхельбекер и об авторах эпохи Просвещения, в частности, упоминает он французского мыслителя Дидро, с которым хочет познакомиться более и который, как ему кажется, не только для него, Кюхельбекера, но и для других людей может открыть много интересного.

С будущим связаны главные послы, главные устремления автора-повествователя «Дневника», а именно его размышления о сути творческого гения, о позиции автора в современном мире, о его ответственности за свое творчество, о даре пророчества, которое не только открывает и дает понимание прошлого, но и позволяет лучше разглядеть очертания грядущего. По сути дела одна из принципиально важных установок, реализуемых Кюхельбекером в «Дневнике», которая заставляла его все эти долгие годы, проведенные сначала в одиночной камере, потом в ссылке (фактически двадцать лет жизни) продолжать с небольшими перерывами работу над «Дневником», было желание обрести понимание и признание потомков, донести до них важную информацию о том, как жил поэт, связанный с декабристским движением. Соответственно это ожидание признания потомками его дара, значимости его дела для Кюхельбекера становится одной из архиважных задач, которые он хочет реализовать в процессе создания своего «Дневника».

В одной из поздних записей от 29 марта 1845 года В. К. Кюхельбекер высказывает очень важную для себя мысль, которая по сути дела раскрывает то самое важное, что хотел запечатлеть на страницах своего «Дневника», построив между собой, поэтом, лишенным свободы и находящимся то в заточении, то в ссылке, и читателем, способным его понять,

принять, признать его талант и использовать его выводы, наблюдения на своем жизненном пути. Это записи, адресованы Марии Николаевне Волконской, в которых Кюхельбекер размышляет о некоем идеальном мире, имеющем отношение к пространству духовному и творческому, о мире, с которым он снова почувствовал какую-то удивительную близость, ибо все меньше ощущал связь с миром реальным, земным, его угнетающим. И обусловлено это было не только и не столько материальными или иными обстоятельствами, сколько тем, что он в последние два года он ощущал стремительно растущую слепоту, ставящую между ним и реальным миром непреодолимую преграду. «Постараюсь ныне, когда для меня, так сказать, в новом месте началась новая жизнь, быть в ведении своего дневника точным, добросовестным и, сколько то возможно по теперешнему состоянию моей души, искренним. Вам, мой новый, но верный друг, буду временами посылать эти тетради... Пусть мысль, что Вы будете моей второю совестью, что вы будете читать все, тут написанное, поддержит меня и поможет мне всегда быть хоть несколько достойным вас. Не стану вам во всем исповедоваться: из моих суждений о людях, о книгах, из отчета о моих занятиях вы сами легко увидите, на какой точке нахожусь и шагаю ли вперед или подаюсь назад. Но будут тут часто вопросы, и два очень тяжелых и теперь давно уже на душе моей. Решусь ли их предложить вам в этой тетради – не знаю. Скажу Вам только, что они снова сильно стали тревожить меня с тех пор, как я стал опять знакомиться новым путем с тем миром, к которому я был когда-то ближе, но от которого меня удалили 1835 год и последовавшие за ним» [\[14, с. 421\]](#).

Внешне дневниковые записи В. К. Кюхельбекера выглядят хаотично, стилистически разнородно, обнаруживаются как поэтические, так и прозаические тексты. Но за кажущимся калейдоскопом образов, сюжетов, размышлений скрывается неявное, но ощущаемое единство – и оно не только в личности повествователя, того поэта-узника, которого создает Кюхельбекер, оно в единстве передачи ощущения эпохи, в воспроизведении специфики мировосприятия героя-рассказчика; читатель изначально понимает, что это декабрист – по своей судьбе, по своему мироощущению и своим убеждениям. Кюхельбекер дает возможность внимательному читателю, окунувшись в создаваемый им мир, почувствовать эпоху последекабрьского времени, понять, что тот, чьи мысли, чувства описываются, является носителем декабристкой философии.

Библиография

1. Автобиографическая практика в России и во Франции. Сборник статей под ред. К. Вьолле и Е. Гречаной. М.: ИМЛИ РАН, 2006. 278 с.
2. Алексеев А. Н. Письмо, дневник, автобиография: многообразие форм и сопряжение смыслов (теоретико-методологические заметки) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 4. С. 46–56.
3. Алоэ С. Реконструкция литературной среды: Дневник В. К. Кюхельбекера в годы заточения и ссылки // AvtobiografiЯ. 2013. № 2. С. 129–169.
4. Архипова М. В. Психологические свойства и представления, связанные с практикой ведения личного дневника // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13. № 3. С. 197–207.
5. Вознесенская И. М. Дневник: особенности семантической структуры и речевой организации // Мир русского слова. 2006. № 3. С. 41–48.
6. Гофштейн О. Г., Рудакова С. В. Гражданские идеи и образ поэта в лирике В. К. Кюхельбекера // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: Тезисы докладов 79-й международной научно-технической конференции. Т. 2. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И.

- Носова, 2021. С. 334.
7. Егоров О. Г. Дневники русских писателей XIX века: Исследование. М.: Флинта; Наука, 2002. 285 с.
 8. Егоров О. Г. Русский литературный дневник XIX века: История и теория жанра. М.: Флинта: Наука, 2003. 280 с.
 9. Зализняк А. Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2010. № 6 (106). С. 162–181.
 10. Калуцков В. Н. «Письма Русского путешественника» Н. М. Карамзина: литературно-географические аспекты // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 4. С. 26–37.
 11. Кобрин К. Р. Дневники: между текстом и житием // Новое литературное обозрение. 2003. № 61. С. 288–295.
 12. Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи / отв. ред. Б. Ф. Егоров (Примеч. Н. В. Королевой, В. Д. Рака). Ленинград: Наука, 1979. 790 с.
 13. Лазареску О. Г. Художественное и публицистическое в американском дневнике П. П. Свиньиной // Libri Magistri. 2018. № 5. С. 8–14.
 14. Литературное наследство. Т. 59: Декабристы-литераторы. Москва: Изд-во АН СССР, 1954. 805 с.
 15. Лотман Ю. М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Лотман Ю. Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2000. С. 164.
 16. Лунин М. С. Письма из Сибири / изд. подготовили И. А. Желвакова, Н. Я. Эйдельман. Москва: Наука, 1987. 492 с.
 17. Михеев М. Дневник как эго-текст. Москва: Водолей, 2007. 264 с.
 18. Петров А. В., Скворцова М. Л. Петербургская свадебно-праздничная культура 1720-х гг. глазами немца (на материале «Дневника камер-юнкера Ф. В. Берхгольца») // Libri Magistri. 2017. № 4. С. 92–111.
 19. Платоне Росана. Дневник Кюхельбекера как интеллектуальная биография. Contributi Italiani Al X Congresso Internazionali Degli Slavisti (Sofia, 1988) // Europa Orientalis. 1988. № 7. С. 51–70.
 20. Приймак Н. И., Валегина, К. О. Мемуары, дневники, письма как исторический источник: учебное пособие. Санкт-Петербург: «Издательство «ЛЕМА», 2018. 72 с.
 21. Рудзиевская С. В. Художественные возможности и истоки жанра дневника писателя // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. 2002. №1. С. 85–92.
 22. Токарев Г. В. Дискурсивные особенности личного дневника как камерного документа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18, № 2. С. 48–56.
 23. Янке Г. Дневники в исторических исследованиях: тексты и контексты раннего Нового времени (пер. с англ. Елены Карпенко, Юрия Зарецкого) // Новое литературное обозрение. 2019. № 3(157). С. 89–106.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Особенность видения настоящего и будущего

в «Дневнике» В. К. Кюхельбекера», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения особенностей жанра, в котором создал произведение автор, так как «Дневник» это и не дневник в классическом понимании, с другой стороны, его сложно рассматривать и как чисто литературное проведение. Кроме того, феномен дневника как жанра, зачастую, привлекает внимание не только филологов, но и психологов, историков, социологов, что является междисциплинарным исследованием.

Практическим материалом исследования послужили произведение «Дневник» Вильгельма Карловича фон Кюхельбекера, русского поэта и общественного деятеля. Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном литературоведении. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонів научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. В вводной части слабо представлена разработанность вопроса в науке. Отметим, что выводы, представленные в заключении статьи, не в полной мере отображают проведенное исследование. Выводы требуют усиления.

Теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом. Источником эмпирического материала послужило произведение «Дневник», части которого создаются Кюхельбекером в период с декабря 1831 г. до июня 1835 г., другие части – с сентября 1837 г. по ноябрь 1845 г., итоговая часть записана незадолго до смерти автора в 1846 г.

Библиография статьи насчитывает 23 источника, среди которых представлены научные труды исключительно на русском языке. Считаю, что обращение к исследованиям на иностранных языках по данной и смежной тематике обогатило бы работу. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов литературоведения, отечественной филологии, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвященным связи языка и общества, а также теории русского языка. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Особенность видения настоящего и будущего в «Дневнике» В. К. Кюхельбекера» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.